

М.Федосов

ГЕНЫ

Чпу -у-ук. Крышка литрового винного пакета оторвалась знакомым движением руки и полетела в кусты. В пакете булькнуло, густое вино выступило наружу, сладко полилось по руке. Гена Первухин сделал первые огромные глотки, — они вливались в него, словно потоки водопада, прорвавшегося с горных вершин, сметая всё на своем пути и ровно заполняя «водохранилище» желудка одиннадцатиградусным дешевым напитком. После трех первых глотков Гена отдышался, затем снова припал к пакету, и уже мелко добавлял и добавлял эту кисло-сладкую жидкость, которая заполняла его всего, — так опытный водитель заправляет бензобак своего автомобиля — «под горлышко». Второй раз Гена отдышался уже тяжелее, бегло взглянул по сторонам, и негромко крикнув, последним, финальным глотком допил содержимое. Несколько минут он постоял тихо, не шевелясь и не озираясь, боясь «расплескать» предстоящие ощущения. На какую-то секунду ему показалось, что рядом с ним, кто-то тихо и медленно вздохнул.

Но в это субботнее апрельское утро Гена был один.

Он стоял ровно, словно впитывал в себя эти драгоценные минуты. Вино, «упавшее» в него, вызывало какое-то особое, кисло-сладкое отвращение, но это довольно странное чувство уже через несколько минут начало переливаться в сладкое ощущение приятной легкости, почти невесомости. Легкими становились руки, ноги, еще через несколько минут глаза ослепили от яркого солнца, которое тонкими лучами пробивалось сквозь ветки берез, волосы подхватили порыв приятного, прохладного ветерка, а голова стало четко различать все звуки. Гена отчетливо услышал ровный гул самолета, летевшего высоко над городом.

У-у-у-у, — ровно гудел лайнер. И Гена вдруг ощутил, что именно эта суббота так хороша, свежа... что все только начинается...

Он закрыл глаза и икнул.

Суббота действительно только начиналась. Ночью прошел небольшой дождь, на улице было по-апрельски солнечно, свежо и влажно. С еще голых деревьев падали, словно слезы, одинокие капли ночного дождя, а мягкий, пьянящий весенний ветерок вносил ясность, утверждая, что весна наконец-то пришла. В зимней куртке Гене было уже жарко, он расстегнул молнию и стоял, наслаждаясь застывшей картиной свежей весны.

Он медленно и с наслаждением смотрел на березы, на скверик, где он прятался от лишних, любопытных взглядов соседей, которые теми же тропинками ходили в ближайший магазин. Сейчас Гена готов был общаться, спорить до хрипоты и обнимать своих добрых соседей, всё глубже и яснее постигать смысл событий, но... соседей поблизости не было. Невдалеке от Гены прогуливался какой-то чужой рыжий пёс, который иногда искоса поглядывал на Гену, надеясь на какую-то съедочную подачку. Пёс, правда, вел себя довольно странно: он то отходил, виляя хвостом, то возвращался, и злобно лаял на Гену.

Гена выругался на собаку, но пёс все равно убежал и возвращался снова, неприятно лаял, словно «расплескивал» Генино настроение. Он было пытался кинуть в собаку чем-то, попавшимся под руку, но рядом с ним стояла лишь линялая сумка, в котором лежал батон, пакет молока и бутылка подсолнечного масла. Ради этих «несчастливых» продуктов Люда, его жена и отправила рано утром Гену в магазин.

Ох, Люда, Люда...

Теперь оставалось только добежать домой, по ходу закусив конфеткой это кисло-сладкое ощущение. Оставалось совсем чуть-чуть, но так не хотелось уходить из этого тихого, уютного скверика.

«Ох, скверик, скверик», — Гена почему-то задумался о том, что слова «скверно» и «скверик» очень похожи... «К чему такие разные слова так похожи?»

Рядом с ним шевельнулась ветка березы, как будто кто-то задел её, проходя мимо.

Гена стоял один, невдалеке лаял рыжий голодный пес.

Неожиданно пространство рядом с Геной странным образом «колыхнулось». Словно качнулся воздух, — просто качнулся и всё. Такое бывает, когда в разгоряченный солнцем день, воздух как будто «плывет» над горячим асфальтом.

Гена встряхнул головой и оглянулся. Рядом никого не было.

Однако, теперь, когда его чуткое восприятие мира стало ещё тоньше, он словно ощущал рядом с собой присутствие кого-то другого. Кого-то чужого. Словно, кто-то невидимый стоял рядом с ним, прямо близко-близко и почти дышал ему в лицо.

Гена ещё раз огляделся, заглянул в пустой винный пакет и только теперь прочитал название «Вино полусладкое красное «Наваждение». «Чего они туда добавляют, интересно?» — Подумал Гена.

Потом еще раз огляделся.

Швырнув пакет в сторону пса, Гена поднял сумку с продуктами и двинулся в сторону дома. Пес сначала отскочил, затем, повиляв хвостом, вернулся к пакету, обнюхал его и пару раз смешно чихнул.

Когда Гена уверенно и твердо зашагал по асфальтовой дорожке к дому, ветка березы качнулась ещё раз. Потом ещё раз. Пространство рядом с тем местом, где стоял Гена как-то странно затрепетало. Никто не мог видеть и никогда бы не увидел того, что творилось в это время, в том самом месте, где ещё минуту назад Гена Первухин пил дешевое и кислое вино.

Зрение человека устроено так, что может видеть только предметы и явления. А то, что находится за пределами живого мира, и уже ни является ни предметом, ни явлением, никто из живых людей видеть не может. А именно там, в Тёмном Мире, который скрыт от нас, происходят порой странные вещи.

В том месте, где только что стоял Гена, рядом с ним невидимым образом находились две сущности. Это были не люди, а лишь образы, сущности, эфирные тела двух мужчин, или вернее сказать, тех, кто когда-то был в этой жизни мужчинами. Они тоже когда-то жили на этом свете, имели семьи, работали на заводах, ходили в магазины, и, наверное, также, в скверике, употребляли после работы дешевые алкогольные напитки. Мужчин этих звали тогда Витя и Гена.

Когда-то, в Тёмной жизни, они были добрыми, но неисправимыми алкоголиками, и покинули этот бренный мир из-за своего неизлечимого увлечения: Витя скончался от цирроза печени, а Гена — от сердечного приступа во время похмелья. В результате такой беспорядочной и скомканной жизни, принятие решения об их пребывании в Дальнейших Мирах, было отложено до Особого Дня. И пока решение не было принято, Гена и Витя существовали в Этом Мире, но уже не как люди, а как безтелесные сущности, с достаточно широкими возможностями, но практически без прав их реализации. Это означало, что они могли делать всё, что хотели в рамках того, что делать им было практически ничего нельзя, — они не имели никакого права вмешиваться в жизнь Этого мира, —

это грозило окончательной потерей всякой надежды на Решение. А именно этой надеждой они и жили, ожидая, как и все люди, живущие в этом мире, прощения за свою бесцельную и беспутную жизнь.

Они могли только сопереживать. А так как многим чувствам они ещё и при жизни не научились сопереживать, то они с радостью предавались единственному ощущению, с которым они были близко знакомы. Именно это чувство и привело их в сквер, где этим свежим апрельским утром, слесарь пятого разряда Геннадий Первухин пил вино из красного пакета с надписью «Наслаждение». Витя и Гена уже не разговаривали. Они общались между собой, как и полагается сущностям, — силою мысли. О, если бы такая сила была у них при жизни, — они, наверное, не потратили свои чудесные молодые годы на столь низменные и неинтересные ощущения! Но в жизни они не умели общаться силою мысли, а просто звали друг друга после работы в сквер выпить вина или водки на троих, посмеяться над очередным анекдотом или смешной ситуацией, в котором роль ситуации, как правило, играла супруга одного из них. Единственным результатом таких посиделок, как раз и были эти самые смешные, а порой и вовсе несмешные ситуации, которые повторялись вечером, дома, в их семьях, изо дня в день. Зато наутро им было о чём рассказать друг другу снова. А вечером все повторялось.

Теперь сущности Вити и Гены были вынуждены толпиться около винных магазинов и универмагов, выискивая одиноких, таких же, как и они, мужчин, с острым, порою жгучим желанием непременно и быстро выпить. Так быстро, что на поиск собутыльников не оставалось ни времени, ни терпения. Это желание Гена и Витя ощущали за несколько сотен метров, быстро перемещаясь в пространстве, двигались, словно невидимые тени за тем, кто заходит в магазин, пряча в себе это острое и нестерпимое желание. Порой, они развлекались, прячась между банкой сайры и батоном хлеба в магазинной корзинке, ожидая вместе со своим «живым третьим», очереди в кассу. Или проникали сквозь стекло в бутылку, играя в весёлых джиннов. Единственная их радость и утешение — это быть рядом с тем, кто пьёт, как правило, в одиночку, — тогда радость от внезапного алкогольного «облегчения» они разделяли с живым человеком, заряжаясь этой невидимой опьяняющей энергией. Это было единственное их занятие. Это было их удовольствие и наказание одновременно. И избавиться от этого они были не в силах, подозревая, что это и есть та самая Вечность.

И что не будет больше никакого решения. Никогда.

Так и теперь.

Когда Первухин ушел из сквера, сущности Вити и Гены остались в том месте, где всё это и происходило. Витя почему-то подумал (и Гена уловил), что Первухин сейчас вернется. Обязательно вернется. Так часто было в субботу, когда день только начинался, а Гена успевал забежать в магазин несколько раз.

Чувства, много раз проверенные, Витю и Гену на этот раз снова не обманули. Через два часа Первухин показался снова где-то по курсу магазина. Но на этот раз он был не один: с ним рядом, держа его за руку (или он держал её?) была жена Людмила, а сзади семенил, играя по ходу движения маленьким пластмассовым самолетиком, малолетний вихрастый паренек лет шести — сын Гены, Геннадий Геннадьевич, или как его звал отец — Геша.

Проходя мимо магазина, Гена-старший то и дело оглядывался на сквер, в котором сегодня так славно начиналось субботнее утро, и морщил лоб. Людмила, ещё утром дома, учуяв результаты его

похода в магазин, обходилась с ним строго, иногда дергая его за руку, словно пытаюсь отвернуть его взгляд от магазина в её сторону. При этом она вздыхала так глубоко, что Первухину было жаль её. Ему было жаль и жену, и сына, и себя самого, но он не мог ничего сделать с собой, особенно в субботу. В субботу он соображал куда быстрее, чем в будние дни.

Гена вздохнул, особенно когда магазин остался позади. Тут он вспомнил, что забыл купить утром сигареты, и ударив себя по лбу, оторвался от руки супруги и запричитал:

— Ё-моё! А сигареты-то я забыл купить! Люд, вы идите потихоньку, я слетаю быстро за пачкой сигарет!

— По дороге купишь, в киоске! — жестко отрезала Люда.

— По какой дороге! В каком киоске! Ты же в парк меня тянешь, а там никаких киосков по дороге нет!

Гена и Витя, стоящие в кустах, под березами, казалось, заволновались. Они, конечно, не могли волноваться, но что-то похожее на бывшее волнение затрепетало в березовых ветвях.

— Нет уж. Знаю я. Пойдешь сейчас за сигаретами, а купишь вина или пива. Да еще крепкого, какого-нибудь. Пойдем, уж, Первухин. Хватит, уж утром накушался.

— Ну, Людк, ну так суббота, выходной ж, — оправдывался Первухин.

— Знаю я ваш выходной. «В будни по соточке, в выходные по бутылке» — передразнила супруга.

— Ну, Людк, ну.. — Гена вскинул глаза на брови и остановился, а плечи его уже развернулись в сторону магазина.

— Да хорош, Первухин! Вышли в парк дитё сводить, вот и веди! Хорош! — отрезала Люда.

Гена и Витя в кустах как будто бы вздохнули и обмякли.

Надежды угасали с каждой секундой.

Маленький Геша, кажется, не замечал разговоров родителей или уже так привык к этим разговорам, что не обращал на них внимания. Он с увлечением смотрел на свой самолетик, постоянно оглядывая его со всех сторон и, жужжа и завывая, продолжал направлять свою игрушку в очередные петли, бочки и другие пируэты.

— Э-э-э-и-и-и-и-и-м-м-м! — разносились звуки самолета в исполнении Гены-младшего.

— Люда, ты не права! — жестко отрезал Первухин и устремив всю свою волю в глаза, посмотрел на жену.

— Иди ты! Алкоголик! — уже грозно замахнулась на него Людмила.

Первухин инстинктивно пригнулся. В это время самолетик Гены-младшего делал очередную петлю под заунывные завывания главного пилота.

— А-э-э-э-э-и-и-и-и-и-м-м-м-м! — летел самолетик.

— Да прекрати ты! Со своим самолетом тут! — набросился на сына озлобленный отец.

— Чего ты пристал к ребенку? Он -то чем виноват? — продолжила жена. И тут же резко сменив тон голоса обратилась к сыну. — Играй, Геночка, играй, мальчик.

— М а, а здорово бы было, если бы этот самолетик и вправду летал, — спокойно и мечтательно подумал вслух Гена-младший.

В кустах, казалось, уже никого не было. Все надежды угасли.

— Да, Геночка. Только этот так же невозможно, как твоему папе невозможно бросить пить! — серьезно сказала Людмила. — Он может подарить тебе только такой самолетик, — она показала

пальцем на игрушку, — самолетик, который не летает. Больше наш папа ни на что не способен! Нет чтобы подарить ребенку самолет с настоящим моторчиком, чтобы летал по-настоящему! Всё у тебя так, Первухин, — она опять ткнула в мужа указательным пальцем, — всё у тебя вот так, понарошку. — Ага, самолетик с моторчиком! Да ты знаешь, сколько он стоит, этот... с моторчиком? — затянул Первухин. Потом он повернулся к Гене-младшему, который еще возился со своим летательным аппаратом и не обращал внимание на родительские крики, — этот самолетик, сынок, также не может полететь, как наша мама не может перестать трепать мне нервы каждый день.

— А что? — представил себе Гена-младший. — А вдруг он сможет полететь? Ну?

— Если он полетит, вот тогда я точно перестану трепать твоему папе нервы! — улыбнулась в ответ Людмила.

— Ага, а я... а я.. если он полетит, я даже пить брошу! — засмеялся Гена-старший. — Вот точно, возьму и сразу брошу! И пойдем с Генкой самолеты смотреть, да?

— Да, вот бы действительно, сводил парня на аэродром, вон каждый день самолеты взлетают, показал бы ему, может парень в летчики пойдет, отец! — закончила разговор Людмила.

— Да, папа, да! Давай пойдем на «аэродром»! Там э-а-а-и-и-и-м -м-м, там мой самолетик точно полетит! — голосил Геночка-младший.

В это время в кустах происходила какая-то невидимая борьба. Словно кто-то с кем-то возился, что-то двигалось, но ничего не было видно. Сущность того Гены, который находился в это время в кустах и слышал все слова, сказанные вот тут, на дорожке, ведущей от магазина, дрожала и стонала. Весь его невидимый, тонкий, как прозрачная пленка, образ колебался и искривлялся. Если бы это можно было видеть, наверное, это было бы страшное зрелище. Так работала память, та память, которая не уничтожается, не обнуляется, не уходит в «никуда», — она продолжает жить вместе с её носителем, принуждая страшно страдать того, кто пытается «отрезать» эту память от себя, она вылезает и больно колет воспоминаниями той жизни, которая была прожита здесь, на Земле.

Память вернулась на какую-то секунду к Гене-сущности, который вместе с Витей ожидал развязки разговора четы Первухиных. Она вернулась именно в тот момент, когда мальчик замечтался о настоящем самолете, который летает, именно в тот момент, когда ему, уже неживому, напомнили о том, что когда-то и его отец обещал сводить его на аэродром, показать настоящие самолеты...

Память, словно, вихрь, закружила уже несуществующего Гену и кусты, и близлежащие предметы и часть пространства. Вихрь воспоминаний нёс его... Отец, его отец, так и не сводил его, так и не показал ему настоящие самолеты. А все потому, что и отец его пил, и он сам всю жизнь, так и не дождавшись своей детской мечты, пил... Так и остались мечты, словно болезненные зарубки на душе, невыполненными, но обещанными когда-то. И поэтому словно раны, кровоточили и больно ранили.

И он решил вмешаться.

Сущность Гены противилась этому, но где-то, в глубине этой сущности было еще Что-то, что приняло решение. Это Ч то-то для него так и осталось загадкой.

Он ни минуты не сомневался, лишь подумал об этом.

Но успел принять от Вити, стоявшего рядом мысль:

— Не вздумай! Не надо!

Но было поздно.

Вмешавшись в жизнь Этого мира , Гена навсегда растворился в пространстве.

А в это время, маленький пластмассовый самолетик, вырвавшись из рук Гены-младшего, негромко заурчал, потом словно чихнул, и тихонько завыв, словно у него был моторчик,... полетел.

Он вылетел из рук и летел! Сначала это показалось какой-то уловкой, словно Гена просто кинул его далеко. Затем все Первухины увидели, что самолетик стал подниматься выше, звук его мотора нарастал, словно он прибавлял обороты. Самолет стал подниматься выше, выше, и стал летать кругом над головами, открывшими рты.

Первухины стояли, застыв на месте. Никто не понимал, как самолет без мотора, из дешевой китайской пластмассы за сто рублей, купленный в переходе метро , может летать. А самолет тем временем летал, гудел, словно аэробус и делал виражи над высокими деревьями.

Гена-младший первый очнулся от застывшего удивления и начал с восторженными криками прыгать по дорожке, невзирая на лужи и грязь — его нельзя было остановить.

Самолетик летал и летал над деревьями, над сквером, над городом. И моторчик его не уставал, невидимые , несуществующие батарейки его не разряжались, он летал и летал , и один Гена, по крайней мере, явно радовался этому. Людмила почему-то заплакала , а Гена-старший принялся её , как всегда, успокаивать.

И только ветка березы качнулась, словно кто-то невидимый, помахал кому-то в этом мире. Это был невидимый Витя.

Слез у него не было.

И он впервые пожалел об этом.

© Максим Федосов, 2014

Свидетельство о публикации №214111900657